

Вновь выпал густой снег, и серебристые укутанные улицы с алыми фонарями наполнились праздничной атмосферой приближающегося Нового года.

Се Тин Юэ становился всё более занятым, работая с утра до ночи, не зная отдыха. Если бы не особый больной, за которым требовался уход, и младший брат-шалопай, который только и знал, как влезать в неприятности, он бы и вовсе оставался ночевать в лавке.

Каждый вечер, возвращаясь домой, он первым делом спрашивал:

— Син-эр не натворил бед? Не досаждал тебе?

Чу Му всякий раз с улыбкой качал головой и отвечал, что нет. Но Се Тин Юэ слишком хорошо знал своего брата. Чем спокойнее отвечал Чу Му, тем больше он чувствовал вину.

Он взял брата к себе, чтобы присматривать за ним лично, но в итоге обременил Чу Му. Тот же, в свою очередь, относился ко всему с заботой и терпением, ни разу не пожаловался, не обращал внимания на детские шалости, и окружил младшего брата вниманием.

День, когда в прошлой жизни брат утонул, уже миновал.

Тот по-прежнему скакал как заведенный, словно готовый ещё сто лет проказничать.

И всё это благодаря Чу Му, который всегда был рядом и следил за ним.

Сердце Се Тин Юэ переполняли странные, противоречивые чувства.

Он был бесконечно благодарен Чу Му. Из-за смерти брата в прошлой жизни его последнее время терзали тяжелые мысли. Похоже, Чу Му это почувствовал, но не стал спрашивать напрямую, а по-своему мягко и бережно поддерживал его. Тогда Се Тин Юэ этого не замечал, но когда опасный день прошёл без происшествий, он, наконец, осознал, что происходило.

Чу Му... был поистине удивительно чутким человеком.

— Если я вновь задержусь так поздно, не жди меня, — сказал Се Тин Юэ, сердце которого сжалось при виде Чу Му, задремавшего под пледом с книгой, готовой вот-вот выскользнуть из рук.

Чу Му, будто бы ничего особенного не произошло, поправил плед и с улыбкой ответил:

— Ждать возвращения госпожи никогда не было обузой.

Не дожидаясь приказа, служанка Инь Синь ловко подала горячий чай и тёплое полотенце для рук.

Чу Му добавил:

— Видишь, мне и делать-то ничего не надо. Просто коротаю время.

Разогрев руки, Се Тин Юэ подошел, проверил температуру Чу Му, затем осмотрел его одежду. Нашупав неладное, он нахмурился:

— Ты не надел теплую безрукавку. Почему ты такой своенравный?

— Я весь день провел в комнате и совсем не замерз, не беспокойся, — ответил Чу Му, взял его за руку и, игриво потянув, улыбнулся заискивающе.

Се Тин Юэ, глядя на эту улыбку, не мог даже по-настоящему рассердиться. Он только вздохнул и велел Инь Синь принести тёплую накидку, после чего сам накинул её на плечи Чу Му и закутал поплотнее.

Чу Му, не отрывая от него глаз, молча улыбался.

— Чему улыбаешься? — спросил Се Тин Юэ.

— Ничему. Просто кажется, будто мы — обычная пожилая пара...

Рука Се Тин Юэ застыла, а лицо покраснело.

Какая ещё «пожилая пара»? К чему такая фамильярность!

Чу Му, как всегда, знал, когда остановиться. Он точно знал, как дразнить Се Тин Юэ, не переходя границ. Поэтому тут же сменил тему:

— Сегодня, пока тебя не было, приходили люди из семьи Лун.

Се Тин Юэ тут же переключился:

— С извинениями?

Чу Му кивнул:

— Я велел Цинь Пину разузнать. Они также наведались в семью Ци с богатыми дарами.

— Семья Ци приняла?

— Да, приняла.

Се Тин Юэ слегка кивнул, прекрасно понимая.

Семья Ци, сколь бы богата ни была, имела чиновников среди родни, в основном служивших в провинции без особого влияния. Семья Лун же могла похвастаться множеством столичных чиновников, включая высокопоставленных. Разница в положении была очевидна. Семья Ци не могла себе позволить ссориться с семьей Лун, если дойдёт до конфликта, пострадают именно они. Какими бы ни были их чувства, эти дары они просто не осмелились отвергнуть.

Чу Му добавил:

— Однако сразу после этого старая госпожа Ци велела подготовить равноценные дары и отослать их семье Лун.

Се Тин Юэ на мгновение задумался, а затем рассмеялся.

Вот это уже интересно.

Принять дары — значит принять и оказанную любезность. А если не хочешь быть обязанным, но и портить отношения тоже не вариант? Ответ: собрать дары такой же ценности и немедленно вернуть.

Мы не нуждаемся в вашем расположении и не желаем иметь с вами ничего общего. Если вы благоразумны, оставим это в прошлом. Если же нет — мы готовы к противостоянию!

Это был тонкий намек, который должен быть понятен любому разумному человеку.

— А что с Лун Цин Фу? — спросил Се Тин Юэ. — Есть какие-нибудь новости?

— Они пригласили лекаря, — ответил Чу Му. — Люди из семьи Лун заявили, что он серьёзно болен. Пообещали хорошо за ним присматривать и больше не выпускать из дома.

Се Тин Юэ тихо цокнул языком. Больше не выпустят...

Раньше они не были готовы и попали в ловушку. Теперь, зная, в чем дело, им бы пригодилось, если бы Лун Цин Фу снова начал буянить, тогда можно было бы выведать кое-какие сведения.

Но теперь этот вариант отпал.

— Лун Цин Линь приходил?

— Да, — Чу Му сразу понял, что именно хочет узнать Се Тин Юэ, и с лёгкой улыбкой ответил:
— Он человек осторожный и скользкий, и вытянуть из него информацию крайне сложно. Боюсь, раскрыть секреты семьи Лун будет непросто.

Се Тин Юэ всё понял: расследовать дело Тао Му Шу по этому пути будет затруднительно.

Чу Му спросил его:

— А у тебя? Есть какие-нибудь хорошие новости?

При этих словах лицо Се Тин Юэ озарилось:

— Конечно! Помнишь ту девочку, которую обидели на прошлом сливовом банкете? Её зовут Ян Чу Лань, у неё на шее была долго не заживающая язва?

Чу Му кивнул:

— Помню.

— Так вот, — продолжил Се Тин Юэ, — мне тогда показалось, что я уже слышал о такой болезни. Вспомнил про одну мазь на основе алоэ, она как раз от этого. После банкета я велел брату Дуну её раздобыть и передать. А на днях семья Ян прислала хорошие вести — язва покрылась коркой и скоро заживет. И ещё, похоже больше не вернётся!

Чу Му опустил взгляд и поставил чашку на стол:

— Это действительно хорошо.

Се Тин Юэ, воодушевленный, заговорил быстрее:

— Думаю, это алоэ замечательное средство. Я договорился с управляющим запустить новую линию по производству средств по уходу за кожей для удаления пятен и шрамов. Заодно включим в ассортимент румяна, помаду, и всё это объединим с тканью синяя Инбу в новую серию продуктов!

На этот раз Чу Му улыбнулся по-настоящему:

— Звучит неплохо.

— Если всё пойдёт по плану, — с воодушевлением сказал Се Тин Юэ, — через несколько месяцев после Нового года имя «второй господин Се» прогремит по всей столице!

Чу Му с удовольствием слушал его. Он не уставал от речей Се Тин Юэ, напротив, налил ему ещё чаю, чтобы тот мог промочить горло. Только когда тот немного отдышался, Чу Му спокойно поинтересовался:

— А человек, стоящий за Хэ Юань Ци, ещё не показался?

Се Тин Юэ поставил чашку, и его лицо стало серьезным:

— Как раз собирался об этом рассказать. Есть зацепка.

— Правда? — Чу Му тоже стал серьёзным.

— Да, — кивнул Се Тин Юэ. — Этот человек действует очень осторожно. Мы попытались его спровоцировать, но он явно не хотел быть раскрытым. Однако нам всё же удалось напасть на след. Вероятно, он из уезда Цин. До Нового года уже не успеть, но после я хочу съездить туда.

Двигаясь на юг от столицы в сторону моря, не доезжая до Сучжоу и Ханчжоу, сначала попадаешь в уезд Цин. Хоть это и маленькое место, но из-за его стратегического положения оно играет важную роль как в торговле, так и в военном плане. Раз след ведёт туда, Се Тин Юэ не собирался относиться к делу спустя рукава.

К тому же, согласно его воспоминаниям, в начале второго месяца следующего года там произойдет крупное стихийное бедствие, которое унесет множество жизней. Из-за этого бедствия сильно пострадают шелкопряды, а значит, производство шёлка упадёт, цены взлетят, и товар станет в дефиците. А лучшая партия ткани синяя Инбу как раз производится из шелковых нитей.

Руководствуясь как своей доброй натурой, так и коммерческими интересами, Се Тин Юэ просто обязан был совершить эту поездку. Тем более теперь, когда у него появился хоть какой-то след, он может совместить оба дела.

Он серьёзно обсудил это с Чу Му.

Здоровье Чу Му в последнее время немного стабилизировалось. Нет, нельзя сказать, что стало лучше — просто приступы случались реже, а значит, по его меркам, это уже прогресс. Но он всё ещё не мог оставаться один. Мысль о том, чтобы оставить его, вызывала у Се Тин Юэ тревогу.

— Не думай обо мне, просто поезжай, — казалось, Чу Му совсем не переживал из-за предстоящей разлуки. Без тени грусти он перевел разговор на другую тему: — Похоже, тебе нравится заниматься торговлей, но при этом ты не стремишься к роскоши.

В последнее время Се Тин Юэ и правда заработал немало. Он покупал вещи для брата и для Чу Му, а вот себя почти не баловал, не видно было, чтобы он обзавёлся какой-то роскошью.

Се Тин Юэ пожал плечами:

— Конечно, я тоже люблю иногда побаловать себя, просто пока нет времени. Дело не в том, что мне нравится торговля, просто у меня много идей в этой сфере. Мне кажется, если продолжать в том же духе, можно открыть широкие перспективы. Помимо комфорта, я хочу иметь право выбора.

Он хотел, чтобы в будущем у него всегда была свобода выбора: иметь то, что он хочет, и отказываться от того, что ему не нужно.

Он хотел жить так, как ему хочется.

— К тому же, в этом деле встречаешь самых разных людей, у каждого свои расчеты. На этом пути повсюду подстерегают испытания, и побеждать этих пройдох разве не интересно?

Глаза Се Тин Юэ загорелись.

Чу Му смотрел на него с нежностью:

— Я просто думаю, что госпожа, преуспевающая в этом деле, очень яркая, будто излучает свет.

Его взгляд был таким сосредоточенным и глубоким, словно теплые морские волны, проникающие в самое сердце.

Се Тин Юэ вдруг вспомнил Чу Му из своего сна.

Тот человек тоже смотрел на него так же и в тот момент поцеловал его...

Будто подойдя слишком близко к жаровне, Се Тин Юэ почувствовал, как уши его запылали.

Чу Му тоже был тронут этим моментом и не отводил взгляда от Се Тин Юэ, словно никак не мог насмотреться. Непроизвольно он потянулся к его руке.

Се Тин Юэ не отстранился, позволив ему взять свою руку.

В воздухе царил тёплая, тихая, почти идиллическая атмосфера.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, и в комнату, словно снаряд, влетел пухлый мальчуган:

— Брат! Я слышал, что завтра ты свободен! Пойдём за новогодними покупками!

Се Тин Юэ тут же дёрнул руку назад.

Чу Му: «...»

Се Тин Син склонил голову набок:

— Я ведь точно ничего не испортил, да?

Под углом, незаметным для Се Тин Юэ, мальчик бросил в сторону Чу Му выразительный взгляд с недовольным видом.

Он, конечно, признавал, что Чу Му спас им с братом жизнь, оказал им великую милость, и в будущем непременно нужно будет достойно отблагодарить его. Этот человек уже занимал особое место в его сердце, но... смотреть на этого типа всё равно было неприятно!

Он же собирался отнять у него старшего брата!

В нём снова разыгралась ревность. Подпрыгивая, он подбежал, обнял брата за талию, прижался лбом к груди и начал капризничать, демонстрируя собственничество:

— Братик, ну пойдём со мной за новогодними покупками, ну пойдём же-е-е!

Се Тин Юэ рассмеялся, и прежняя интимная атмосфера мгновенно рассеялась.

Чу Му улыбнулся:

— Братец такой непосредственный и милый.

Се Тин Син соорудил ему рожицу:

— Да-да, этот господин непосредственный и милый!

Для перерождённого Се Тин Юэ встречать Новый год с младшим братом было чем-то из

далёкого прошлого.

Он ценил эту вторую жизнь и с теплотой вспоминал былое. Погладив брата по голове, он пообещал, что сходит с ним. На следующее утро они вышли из дома чуть свет и пропали на весь день.

Чу Му: «...»

С утра до вечера Чу Му сидел у окна на мягкой кушетке, почти не меняя позы.

Чем ближе был вечер, тем сложнее становилось выражение его лица.

Цинь Пин попытался приободрить:

— Уже темнеет. Госпожа точно вот-вот вернётся.

— А кто сказал, что я её жду? — Чу Му бросил на него холодный взгляд. — Не смей лишнее говорить.

Цинь Пин: «...»

Да не ждёте, конечно... Просто чай остывает, и вы к нему не прикасаетесь. Да и страницы книги вы почти не перелистывали, раз за разом бросая взгляды в окно... Этот слуга тоже хотел бы не замечать, но глаза-то у него не слепые, господин!

Когда зажгли фонари, снаружи наконец послышались шаги.

Наряженный в новую одежду проказник влетел в комнату, словно обезьянка, и начал кружиться перед Чу Му, хвастаясь:

— Ну как, красиво? Брат купил мне новую шапку, новую одежду, новый пояс, а ещё вот это...

Он не только покачивал бёдрами, чтобы показать пояс, но и взял в руки подвеску с кисточкой, свисающую с пояса:

— Это узел «Мир и благополучие». Братик сплел его собственноручно! Услышав от торговца, что самодельные узелки самые действенные и могут защитить близких в наступающем году, братец тут же захотел сделать его сам. Я говорил, можно просто купить, но он не согласился и даже долго выбирал цвет ниток. Я сказал, можно взять любые, но братец отругал меня, сказав, что дети ничего не понимают и такие вещи нельзя делать спустя рукава. У брата золотые руки — первый узел вышел ровным, мне очень понравился, но он остался недоволен, сказал, что

плохо получилось, распутал и начал заново. Он сказал, мне должно доставаться только самое лучшее! И лишь сплетая этот, наконец решил, что «сойдет» и повесил мне! Жаль, тебя не было, а то я бы уговорил братца сделать и тебе. Мы так увлеклись, что загулялись, а братец мне всё разрешал. Ты ведь не сердишься?

Мальчик тараторил без передышки, и было понятно — он говорил не столько из «сожаления», сколько из «самодовольства».

В конце он ещё и научился ставить собеседника в тупик:

— Ты ведь точно не сердишься? Господин Чу известен на весь город своим великодушием, как он может злиться на маленького ребенка?

Чу Му улыбнулся, и его улыбка была предельно элегантной и невозмутимой:

— Син-эр, ты действительно повзрослел и стал сообразительным. Действительно, мы, взрослые, обычно не придаём значения таким мелочам.

Се Тин Син на мгновение растерялся.

Не сердится? Не придаёт значения?..

Это что, намёк на то, что он не сдержан и радуется по пустякам?

Коварный лицемер! Без капли великодушия!

Ещё и с ребёнком соперничает в словесных пикировках!

Как раз в этот момент в комнату вошёл Се Тин Юэ. Чу Му посмотрел на него с элегантной и нежной улыбкой, без тени обиды.

Се Тин Син мысленно закатил глаза: «Да кто тебе поверит, черт возьми!»

— Братик! Давай сегодня поужинаем пельменями! — он подбежал и вцепился в руку Се Тин Юэ.

— Хорошо, — кивнул Се Тин Юэ. — Ближится праздник, на кухне пельмени всегда наготове.

Было уже поздно, оставалось только сварить — удобно и быстро.

Се Тин Син указал на Чу Му:

— Только господину Чу не подавать уксуса!

И без того уже кислый, пусть ест пельмени так, вот ведь какой он заботливый!

Се Тин Юэ серьёзно кивнул:

— Он болен, лучше избегать острой пищи. Конечно, без уксуса.

Чу Му: «...»

Если бы Цинь Пин не прикрыл рот рукой, он бы наверняка расхохотался.

Но Чу Му всё равно заметил.

В его сторону метнулся косой взгляд, и Цинь Пин чуть не расплакался: «Этот слуга ничего не делал! Этот слуга несчастный! Не наказывайте в Новый год, пожалуйста!»

.....

Семья Хэ больше не имела поддержки, дела их постепенно поглощались, и результаты борьбы были радостными. Внешние дела уладились: Ци Ин Фэй была в порядке, Шэнь Сан Нян тоже, мачеха Линь не устраивала сцен, а тётюшка со стороны мужа вела себя тише воды. Новый год выдался по-настоящему тёплым.

Встречая Новый год, трое бодрствовали до полуночи. Если для Се Тин Юэ всё было идеально, то Чу Му и Се Тин Син остались недовольны по одной и той же причине: один лишний.

Чу Му раздражало, что ребёнок не спал половину ночи, проявляя такую энергию. А Се Тин Син же, наоборот, злился, что больной не отдыхает, а тянет до последнего, не давая ему побыть с братом наедине — просто возмутительно!

После Нового года начались визиты, и как-то зашёл Лу Ли.

В этот раз в доме не было посторонних, и Се Тин Юэ вместе с Чу Му принимали гостя. Он обнаружил, что Лу Ли довольно забавный человек, который особенно любит подтрунивать над «сладкой парочкой» новобрачных. Лишь тогда Се Тин Юэ понял, что произошло на том злополучном сливовом банкете: оказывается, Лу Ли с Чу Му заключили пари — будет ли «жена» ревновать и беспокоиться за мужа.

Вот только Чу Му был воплощение ясного света и чистого месяца, и лишь в этом одном проявлял странную противоречивость.

Казалось, он отчаянно стремился убедить всех, что Се Тин Юэ заботится о нём, причём очень и очень сильно.

Лу Ли тоже, хоть и верил в крепкие супружеские чувства, делал вид, что сомневается, и постоянно подначивал Чу Му на пари. То спорил, осмелится ли его жена проявить к нему нежность при людях, то держал пари, рассердится ли Се Тин Юэ, если Чу Му дотронется до него, то предлагал Чу Му пристально разглядывать симпатичную служанку с подносом фруктов, чтобы проверить, выведет ли это жену из себя...

Что мог Се Тин Юэ с этим поделаться?

Привыкнув баловать младшего брата, он с той же лёгкостью баловал болезненного и слабого мужа.

Разве сложно сыграть роль?

Сначала было неловко, но постепенно он привык.

В конце концов, он настолько освоился, что мог разыгрывать любые сцены без тени смущения! Даже Лу Ли и тот почти поверил, а сам Се Тин Юэ и вовсе едва не уверился, что питает к Чу Му глубокую страсть, да ещё и отличается ревнивым нравом, не позволяя тому смотреть ни на мужчин, ни на женщин!

Едва лишь начало смеркаться, как он уже, следуя образу «добродетельной супруги», велел зажечь свет.

Лу Ли удивился:

— Почему так рано?

Се Тин Юэ слегка смутился и мягко улыбнулся:

— Прошу прощения. Мой муж боится темноты. Если не зажечь свет заранее, я беспокоюсь, что ему будет нехорошо.

Лу Ли изумился:

— Когда это Чу Му...

— Кхе-кхе! — Чу Му поперхнулся водой и начал кашлять так, будто вот-вот испустит дух.

Лу Ли, опустив глаза, сдержанно кашлянул и важно заявил:

— Да, у него действительно есть такая слабость. Я раньше даже подшучивал над ним.

Пока Се Тин Юэ отвернулся, чтобы налить воды, Лу Ли мигом бросил Чу Му выразительный взгляд: «С каких это пор ты боишься темноты?»

Чу Му улыбнулся: «Раз госпожа сказала, что я боюсь, значит, боюсь».

Но в душе он понимал, что, вероятно, Се Тин Юэ ошибся, вспомнив тот день в потайном ходе.

Но... кажется, теперь у него есть ещё один повод ждать заботы от жены.

.....

Небольшие проделки Се Тин Сина, направленные на привлечение внимания и хвастовство, продолжались.

Каждый день он менял одежду и головные уборы, но что бы ни надевал, даже если менял нефрит в подвеске на поясе, то кисточка с узлом «Мир и благополучие» оставалась неизменной. Более того, он то и дело крутился перед Чу Му, его пухленькая талия будто была снабжена каким-то механизмом — она двигалась то так, то эдак, не останавливаясь ни на мгновение и постоянно притягивая взгляды.

Чу Му делал вид, что ему всё равно. Но когда никого рядом не было, он невольно показывал Се Тин Юэ свою пустую талию, пустую подвеску без узла «Мир и благополучие». А потом брал в руки свою старую заколку и вздыхал:

— Уже больше года ношу...

Намёк был очевиден: что бы ты ни подарил, я буду счастлив.

А Се Тин Юэ... Се Тин Юэ вообще никак не реагировал. Будто ничего не понимал.

Се Тин Син относился к этому с презрением. Однажды, недовольный «непомерно сложными» заданиями, которые давал Чу Му, он напал:

— Ты только и умеешь, что мучить людей уроками. Даже по-настоящему пристать не можешь! У тебя, наверное, вообще не было детства!

Чу Му замер, затем горько усмехнулся и тихо сказал:

— Верно. Разве я мог позволить себе такую роскошь?

Как назло, в этот момент мимо проходил Се Тин Юэ и стал свидетелем этой сцены.

Разгневанный, он тут же снял с полки три книги и швырнул их перед Се Тин Сином:

— Ты уже взрослый и должен понимать, что, прежде чем говорить, следует трижды подумать. Раз уж сейчас праздники, я не стану тебя наказывать, но пока не перепишешь эти книги, еды не получишь!

Се Тин Син в ужасе воскликнул:

— Брат, я не хотел! Я не это имел в виду! Брат! Молодой господин Чу...

Но никто его не слушал.

Се Тин Юэ отвёл Чу Му в комнату и передал ему давно подготовленный узел «Мир и благополучие».

Постепенно переходящий от светлого к тёмному оттенок лилового придавал узлу благородство и элегантность, которые идеально сочетались с Чу Му.

— Закончив его, я подумал, что он слишком простой и тебе не подойдёт, поэтому научился готовить новое блюдо, — сказал Се Тин Юэ, указывая на дымящуюся миску на столе. — Это Таньюань* в рисовом вине с османтусом. В нём есть и крепость вина, и аромат османтуса, а в шарики добавлена начинка из красной фасоли. Сладкие и мягкие, они должны прийти тебе по вкусу.

*П.п. Таньюань — сладкие шарики из клейкой рисовой муки, традиционное китайское лакомство.

Чу Му был искренне удивлён и тронут:

— Ты научился этому ради меня?

— Я думал, что это блюдо должно быть лёгким в приготовлении, но оказалось, что даже простые кушанья требуют мастерства. Мне потребовалось много попыток, чтобы добиться вкуса, — Се Тин Юэ взял миску в руки. — Попробуешь?

Чу Му съел ложку, которую подал Се Тин Юэ.

Сладкий, ароматный и мягкий вкус проник прямо в сердце, наполнив его теплом и нежностью.

— Если ты всё это давно подготовил, почему не сказал?

Из-за этого он столько времени чувствовал себя ненужным.

— Разве вы оба не слишком увлеклись своей детской игрой, получая от неё удовольствие? Если бы я сказал, было бы скучно, — усмехнулся Се Тин Юэ. — Редко, когда ты выглядишь таким беззаботным. Я просто не хотел мешать.

Тогда Чу Му понял, что Се Тин Юэ не был бесчувственным и всё прекрасно замечал, просто не подавал виду.

Подобно тому, как он сам надеялся, что Се Тин Юэ станет смелее и доверчивее, так и Се Тин Юэ желал, чтобы он был более открытым и раскрепощённым.

Переполненный эмоциями, Чу Му обнял Се Тин Юэ:

— Госпожа, я так счастлив.

Се Тин Юэ положил голову на плечо Чу Му и, сияя улыбкой, ответил:

— Да, я знаю.

Свечи тепло мерцали, в комнате было уютно и спокойно. Казалось, если бы жизнь шла так и дальше, она бы могла быть вечной.

Но той же ночью Се Тин Юэ проснулся и обнаружил, что Чу Му нет рядом.

Он поспешно поднялся с постели, чтобы найти его.

Се Тин Юэ боялся, что Чу Му, не желая никого беспокоить, мог в одиночку выйти подышать воздухом и простудиться. Ведь его здоровье ещё не восстановилось, и любая неосторожность могла привести к беде!

Именно так он наткнулся на потайной ход.

В кабинете был активирован механизм, открывая потайной проход, а Чу Му, за которого он так

беспокоился, в коляске, которую толкал Цинь Пин, исчезал в нём!

Се Тин Юэ инстинктивно прижал ладонь ко рту, чтобы не выдать себя. Он осмотрелся по сторонам, и убедившись, что никто не заметил, тихо пошёл обратно.

После его ухода потайной ход вновь открылся, и коляска Чу Му появилась вновь. Он наблюдал, как силуэту Се Тин Юэ растворяется в тени галереи.

Цинь Пин изумлённо выдохнул:

— Вы намеренно позволили ему увидеть это?

Чу Му молчал, его спина была прямой, а брови и глаза купались в лунном свете. В глубине его взгляда волны прилива то поднимались, то опадали, словно в нём скрывались тысячи гор и рек.

Се Тин Юэ почти бегом вернулся в комнату, его сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди.

Впервые в его душе зародились подозрения в отношении Чу Му.

Тот, казалось, знал о нём слишком много, оставаясь при этом искренним и открытым. Он даже задумывался, не встречались ли они раньше, но память не подсказывала ничего подобного. Он предполагал, что всё дело в невероятной проницательности Чу Му... Но так ли это?

Чу Му, кто ты на самом деле?

.....

— Чу Му — всего лишь больной калека, сколько он ещё протянет? А этот Се Эр — всего лишь незаконнорождённый из захудалого семейства, вот и вся его сила. Не верю, что на этот раз он сможет выжить!

Во втором дворе семьи Чу госпожа Сунь с прищуром тыкала в счетную книгу своим длинным, выкрашенным в алый цвет ногтем:

— Я терпела достаточно долго. Пора действовать.

Послесловие автора:

Се Тин Син (стоит на коленях): Брат, я был неправ! Я не должен был смеяться над больным, не должен был унижать его, не стоило язвить господину Чу и хвастаться, что я любимец! Я не должен был... Но в следующий раз всё равно рискну. ▼_▼

Чу Му (также на коленях): Госпожа, я был неправ! Я не должен был скрывать от тебя потайной проход, не должен был тайком тебя целовать, не должен был тайком трогать... Но в следующий раз всё равно рискну. ▼_▼

Цинь Пин (руководя наказанием): Все, встали на колени ровно, ровно! Миски на головах держите крепко! Если прольётся хоть капля — добавлю к наказанию ещё один час! Хе-хе-хе, не смотрите на меня такими взглядами! Я ни при чём, всё по приказу госпожи! (> □ <)

<http://bllate.org/book/13821/1219776>